

Л. В. Слуцкая

«Темное пятно» на репутации Коминтерна: дело об исчезнувших французских делегатах

Летом 1920 г. состоялся II конгресс Коминтерна, который имел важное значение для мирового коммунистического движения. С одной стороны, он должен был ознаменовать торжество коммунизма в Европе, с другой — там были обозначены существенные противоречия между позицией большевиков и зарубежными анархистами и синдикалистами. Этот конгресс дал толчок образованию коммунистических партий во многих странах мира, но в то же время в европейском левом движении вызвал сомнения в демократичности структур Коминтерна. Одной из причин, породивших недоверие, стало бесследное исчезновение французских делегатов, которые во время пребывания в Советской России выступили с резкой критикой системы управления, утвердившейся в стране под руководством большевиков.

В начале июля 1920 г. трое французов: Раймон Лефевр, Берто Лепти и Марсель Вержа, уже имевшие опыт революционной борьбы, были направлены в советскую Россию для участия в предстоящем конгрессе Коминтерна, открытие которого было запланировано на 19 июля.

Раймон Лефевр (1891–1920) — выходец из буржуазной протестантской семьи, французский писатель, журналист и политический деятель, «приехал в Москву с твердой репутацией страстного революционера и молодого таланта, революционные произведения которого позволяли надеяться на блестящий взлет»¹. Свою политическую траекторию левый интеллигент начал как сторонник революционного синдикализма, войну встретил как пацифист, а в 1916 г. вступил в социалистическую партию. По словам одного из основателей

Слуцкая
Людмила Владимировна,
*кандидат исторических наук, доцент,
Белорусский
государственный
университет
(Минск, Беларусь)*

Французской коммунистической партии Бориса Суварина, «он отказался от легкого существования, которое буржуазия обеспечивала своим детям. ...Уже перед войной его привлек социализм. Он неплохо знал то, что мы называем „социалистической литературой“, но незримая сила притягивала его к восставшему пролетариату»². Лефевр прошел почти всю войну, в 1917 г. был ранен и демобилизован из армии. С этого времени в его жизни начался новый этап — он становится политическим агитатором. Совместно с французскими писателями и общественными деятелями Анри Барбюсом и Полем Вайян-Кутюрье Лефевр создал Республиканскую ассоциацию бывших фронтовиков. Франкоязычный писатель, левый антитоталитарист и политический деятель Виктор Серж³ писал о нем: «Корни революционных убеждений Лефевра уходили глубоко... Будучи интеллектуалом... он жил с ощущением конца культуры. ...Он чувствовал, что над старой буржуазной Европой навис бесповоротный приговор. И для него это были скорее не идеи, а атмосфера, в которой его идеи жили... Он пришел к коммунизму, мучимый страхом перед концом света, к пролетариату — из чувства отвращения к своему классу»⁴.

Сообщение об Октябрьском перевороте французский социалист встретил «с патетической радостью раненого, тянущегося навстречу хирургу»⁵. «Жизнь цивилизованной Европы зависит от русских», — заявил он, приветствуя пробуждение народной силы в России⁶. В 1919 г. Лефевр стал одним из организаторов объединения французской и международной интеллигенции — группы «Clarté». Английский исследователь Д. Кот характеризует отношение француза к русской революции следующим образом: «Что касается Лефевра, новость о революции была для него „ударом грома“. Россия стала его святой землей, священным местом чувства и разума... И он отправился в Святую землю»⁷. Как председатель Комитета борьбы за присоединение к III Интернационалу французской социалистической партии, Лефевр приехал в 1920 г. в Россию для участия в работе конгресса.

Бретонец Берто Жюль Луи Лепти (1889–1920) — анархо-синдикалист, профсоюзный деятель, активист Федерации строительных рабочих. С 14 лет трудился на заводе, был активным участником забастовок. После двухлетнего тюремного заключения за антивоенную пропаганду Лепти продолжил активную деятельность в своем профсоюзе, участвовал в съездах Всеобщей конфедерации труда. Сотрудничал в анархистских газетах «Libertaire» и «Vie ouvrière». «Лепти так же, как и Лефевр, был лидером, но более авторитарным, — вспоминал о нем Серж. — Твердый, как скала, бескомпромиссный, грубый, резкий при отрицании, необузданный... Этот анархист каждым из своих жестов разрушал и утверждал: далеко не толерантный, узкий в своих взглядах, решительный и прямодушный, с замечательным ощущением реалий, вечно недоверчивый к власти, силе, толпе»⁸.

Марсель Вержа (1891–1920) — анархист, деятель рабочего движения. В 15 лет примкнул к революционному движению, был участником организации «Синдикалистская молодежь», активно работал в Комитете по восстановлению международных связей,

сотрудничал в газетах «L'Internationale» и «Vie ouvrière». Являлся секретарем профсоюза металлистов. По словам Сержа, «он был скромным человеком, одним из тех, кто основал Всеобщую конфедерацию труда, и чьи имена рабочий класс едва ли потом припомнит...»⁹. В 1919 г. входил в Парижский комитет III Интернационала. Лепти и Вержа были направлены на конгресс в советскую Россию анархо-синдикалистским революционным меньшинством.

Желая «увидеть Революцию в действии», Лефевр, Лепти и Вержа прибыли в Россию нелегально, поскольку «правительство А. Мильерана отказало им в выдаче заграничных паспортов»¹⁰. 19 июля 1920 г. в Таврическом дворце Петрограда торжественно открылся II конгресс Коминтерна. Он проходил в мессианском ожидании расцвета мировой революции. Настроение у приезжающих было восторженное, их состояние души накануне встречи с неизведанным точно выражают слова французского писателя Андре Жида: «Захватывающе интересно пребывание в этой необъятной стране, мучающейся родами; кажется, само будущее рождается на глазах»¹¹. Даже противники советской власти признавали притягательность идей большевизма на Западе. «Вся революционная Европа ехала в это путешествие», — писал корреспондент газеты «Journal» о II конгрессе Коминтерна¹².

Во время конгресса была принята резолюция «Условия приема в Коммунистический Интернационал», более известная как «21 условие», подготовленная В. И. Лениным¹³. Данный документ предусматривал для вступающих в III Интернационал полный разрыв с реформистами и центристами, революционную борьбу за диктатуру пролетариата и власть Советов, выполнение всех условий, безоговорочной солидарности с Россией, то есть на деле закреплял гегемонию большевиков в этой международной организации.

Созданный большевиками как «штаб мировой революции», Коминтерн был чрезвычайно заинтересован в иностранных кадрах. Эта заинтересованность порой оборачивалась тем, что на некоторое инакомыслие нужных кадров большевики смотрели сквозь пальцы: «По причине анархо-индивидуалистического происхождения Виктор Серж рассматривается если не как подозрительный, то, по крайней мере, элемент сомнительный, но в то же время весьма полезный для работы, которую от него ждали»¹⁴. Во время конгресса Серж проводит агитацию среди анархистов и синдикалистов. Он считает, что анархистское движение жизненно нуждается в обновлении, а анархисты должны изучить опыт русской революции и извлечь из него уроки.

По записям, сделанным в кулуарах Конгресса, под впечатлением бесед с анархистами, Серж пишет агитационную брошюру «Анархисты и опыт русской революции». В предисловии к этой работе он отмечал: «Написано наскоро после долгих оживленных споров с участниками II конгресса: Лепти, Вержа, Пестанья. Главное — выбить согласие подписаться под принципом революционной диктатуры»¹⁵. В этой работе Серж отмечает, что появившиеся после Первой мировой войны и русской революции новые факты в исто-

рии требуют пересмотра старых концепций. Большевизм, по его определению, — это «левое движение социализма (что сближает его с анархизмом), вдохновленное решимостью немедленно совершить революцию. Воля к революции — сущность большевизма в двух словах»¹⁶.

Однако большинство анархистов и анархо-синдикалистов (А. Борги, А. Пестанья, А. Сухи, Б. Лепти, М. Вержа и другие) настороженно отнеслись к новым принципам приема в Коминтерн. Еще в ходе конгресса они отвергли большевистские идеи о диктатуре пролетариата, о завоевании политической власти и подчинении профсоюзов компартиям, считая, что высшей формой организации рабочего класса должны быть так называемые «рабочие ассоциации» (профсоюзы, синдикаты), которые и совершат социальную революцию. Такая позиция анархистов и анархо-синдикалистов была абсолютно неприемлема для советских лидеров. Впоследствии, в заключительном слове на X съезде РКП(б) о выступлении европейских анархистов на II конгрессе, В. И. Ленин отмечал: «Мы...сказали в Коминтерне, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию. И нас тогда бешено ругали анархисты и синдикалисты, которые говорили: „Вот как они думают, — для осуществления пролетарской диктатуры необходима коммунистическая партия“»¹⁷. В действительности, анархисты были не против прямой диктатуры пролетариата через Советы, государство-коммуну, но большевикам надо было заставить их принять диктатуру пролетариата в ее революционном варианте через коммунистическую партию.

Во время конгресса Лефевр, Вержа и Лепти познакомились с представителями французской группы коммунистов – Жаком Садулем, Пьером Паскалем, Марселем Боди и Робером Пти, членами бывшей французской миссии, которые после революции 1917 г. примкнули к большевизму и остались в России. По свидетельству Боди, в течение всей работы конгресса Лефевр, Вержа и Лепти «были самыми усердными в посещении заседаний и всякий раз, когда та или иная комиссия, назначенная Конгрессом по изучению какого-либо вопроса, представляла свой доклад, Лепти и Вержа слушали его с пристрастием, и если были не согласны по каким-либо положениям, выступали с критикой»¹⁸.

Паскаль писал в своем дневнике о знакомстве с соотечественниками: «Я испытывал большую близость к двум синдикалистам Вержа и Лепти... Серж, прибывший в Петроград на конгресс, познакомил меня с ними. Мы проводили с ними: Серж, Пти и я, дружеские беседы в доме Горожанкиной о реалиях московской жизни и в целом о режиме... Интеллектуал Лефевр был с энтузиазмом предан революции. Двое рабочих страдали от признания „диктатуры пролетариата“ и хотели уехать»¹⁹. Синдикалисты не скрывали своей неприязни к общественной системе под властью одной партии: «Что касается анархо-синдикалистов Вержа и Лепти, — отмечал российский анархист Всеволод Волин, — они открыто выражали свое возмущение и критиковали положение вещей в России. Не раз Лепти,

стиснув голову руками, говорил, думая об отчете, который должен был представить своим французским товарищам-синдикалистам: „Ну что же я им скажу?“²⁰

После конгресса, когда многие иностранные делегаты вернулись в свои страны, Лефевр, Вержа и Лепти приняли предложение от имени Коминтерна совершить путешествие на Украину, чтобы самостоятельно познакомиться с советской действительностью. В течение всего путешествия, Лепти переписывался с Сержем, сообщая о своих впечатлениях, которые сопровождал замечаниями. «Наиболее критичным и строптивым по отношению к фальшивой видимости советской системы, — писал Боди, — был Лепти. Однако этот человек, ...хотел, явившись в Россию, найти здесь основания для того, чтобы рекомендовать синдикалистам Всеобщей конфедерации труда безоговорочно присоединиться на сторону советских руководителей... Менее страстный и... более склонный принимать все то, что провозглашала пропаганда русской компартии... Вержа с ненасытным любопытством изучал функционирование советского государства и принцип организации, лежащий в его основе. Он тоже старался составить себе благоприятное впечатление о том, что ему показывали сейчас, и о том, что обещали на завтра. Но каждый день как у него, так и у Лепти отрицательный итог возрастал, и в высших кругах об этом знали»²¹.

После поездки на Украину французские делегаты вернулись в Петроград: «Этот неожиданный приезд встревожил нас, — вспоминал Боди. В самом деле, Виктор Серж и я были убеждены, что их вернули во Францию через Латвию и Германию — проход, в котором службы Коминтерна *были абсолютно уверены* (курсив в оригинале. — Л. С.)»²². Когда же Лефевр, Вержа и Лепти сообщили о возвращении во Францию через Норвегию, это еще больше обеспокоило их французских друзей в России.

По утверждению В. Волина, «Под надуманным предлогом им не позволили уехать нормальным путем, как это сделали Кашен и другие делегаты-коммунисты. По непонятным причинам советское руководство решило „отправить их через Север“»²³. На самом деле оснований, по которым большевики не желали их скорейшего возвращения во Францию, было достаточно: отказ принять «21 условие», критика складывающейся однопартийной системы, недовольство положением рабочих. Возможно, не последнюю роль в задержке отъезда французских делегатов сыграли нелюбезные отчеты о советской действительности социалистов Бертрана Рассела и Вильгельма Дитмана, вернувшихся с конгресса. В отчетах европейские социалисты указывали на тиранию, которая проводится под управлением В. И. Ленина: «рабочих, которые отказываются в России работать, расстреливают, рабочим не позволяют бастовать... В городах нет ни социализма, ни коммунизма, вместо диктатуры пролетариата существует диктатура над пролетариатом»²⁴. В. И. Ленин даже был вынужден ответить на письмо корреспондента лондонской газеты «Дейли ньюс», который просил главу большевиков пояснить обвинения, выдвинутые Расселом и Дитманом относительно советских методов власти. В ответе корреспонденту

В. И. Ленин четко дал понять, какая политика проводится в отношении «несогласных»: «Плох был бы III Коммунистический Интернационал, если бы он допустил вхождение в его ряды Дитманов немецкого, французского или какого угодно образца»²⁵, — резюмировал вождь. Возвращение французских делегатов, настроенных столь же критично, могло негативно отразиться на общественном мнении Запада, а их отчеты могли быть использованы в антисоветской пропаганде.

По возвращении в Петроград Лефевр, Вержа и Лепти выступили на собрании французской коммунистической группы и поделились своими впечатлениями. Они, не боясь, осуждали советскую систему власти, которая так явно противоречила всему тому, что обещали французским трудящимся большевистские руководители от имени социализма и революции. После речи Лепти, которая «потрясла аудиторию», стало ясно, «какое решающее влияние она могла бы оказать на участников конгресса Всеобщей конфедерации труда в вопросе за или против поддержки ею Октябрьской революции»²⁶.

Перед отъездом на родину, благодаря Сержу и Боди, французским делегатам разрешили посетить бывшие путиловские заводы, но этот визит еще больше разочаровал их: «Жалкий вид персонала, его распущенность и слабое усердие в работе, поражали иностранных посетителей. Видя их за работой на заводах, хозяевами которых они будто бы являлись, слабо верилось в то, что эти трудящиеся строили новый мир. На самом деле, рабочие путиловских заводов больше интересовались изготовлением грубых зажигалок со всевозможными трубками, которые зачастую разбазаривались направо и налево, поскольку ценились на черном рынке, а не изготовлением подвижного состава для железных дорог»²⁷.

Опрометчиво открыто высказавшиеся о намерении опубликовать во Франции свои впечатления о советской действительности, на родину Лефевр, Вержа и Лепти не вернулись. «Началом их голгофы, — по утверждению В. Волина, — стал долгий и тяжелый путь из Москвы в Мурманск, который они преодолели в ужасных условиях. „Нас саботируют“, — не без оснований утверждал Лепти. В насквозь промерзшем вагоне, не имея теплой одежды и продовольствия, они попросили охранявших их чекистов достать все необходимое. Они могли сколько угодно говорить, что являются делегатами, но получали один ответ: „Мы не знаем, какие такие делегаты едут в поезде. Никаких указаний на этот счет нам не давали“. Только благодаря настойчивости Лефевра им выдали кое-какую еду. Так, страдая от лишений и испытывая многочисленные трудности, прибыли они в Мурманск, где нашли приют у рыбаков в ожидании выполнения данных в Москве обещаний, то есть прибытия корабля, который должен был переправить их в Швецию»²⁸. Эти факты, приведенные в книге В. Волина, подтверждает письмо Лефевра, написанное им из Мурманска и сохранившееся в фонде Коминтерна Российского государственного архива социально-политической истории. «Кингиссеп, который отвечал за наше

путешествие, ничего не организовал. Мы были брошены в отвратительный вагон, переполненный людьми и наполненный зловонием мочи. Нам отказали в вагоне для ответственных работников... Здесь не предупредили товарищей о нашем прибытии. Кроме постелей, ничего более существенного»²⁹, — жаловался он члену французской группы коммунистов Рене Маршану³⁰.

Обстоятельства гибели и точная дата смерти французских делегатов не установлены до сих пор. Согласно официальной версии, представленной советскими властями и широко растиражированной французской социалистической прессой, они погибли во время бури на Баренцевом море 1 октября 1920 г., возвращаясь обратно во Францию. Советские власти долгое время замалчивали исчезновение французских делегатов, и только 1 декабря 1920 г. «L'Humanité» опубликовало телеграмму советского консульства в Стокгольме, полученную накануне, с официальным заявлением о гибели французов: «С прискорбием сообщаем вам, что сегодня мы получили телеграмму из Вардё и Мурманска, подтверждающую, что трое французских товарищей Лефевр, Лепти и Вержа погибли приблизительно 1 октября, по дороге между Вайда-губа и Вардё»³¹. Ответственность за гибель французов была возложена на интервентов, «злодеев Антанты», которые «заточили Россию» в «ужасную блокаду»³². Первоначально эту версию разделяли французы, работавшие на аппарат Коминтерна. Так, Серж выдвинул гипотезу о покушении белофиннов, совершенном при посредничестве французского шпионажа в Финляндии. «Одна статья, напечатанная во время их исчезновения газетой „Разведчик Ниццы“... доказывает, что Четверо были выслежены в Петрограде французскими контрреволюционерами»³³. Похожей точки зрения придерживался французский коммунист Жак Дюкло: «французские товарищи погибли 1 октября между Вайда-губой и Вардё... Они арендовали небольшой парусник и взяли курс на Вардё, но туда они не доплыли... Или их схватили финские белогвардейцы, или, вероятно, они стали жертвами несчастного случая»³⁴. В советских газетах заявление о гибели французских делегатов так и не появилось.

Анализ архивных документов и свидетельств современников, хорошо знавших французских делегатов, позволяет усомниться в истинности официальной версии и воссоздать события, предшествовавшие гибели французов. Особый интерес в этом отношении представляют неопубликованные материалы из фонда Коминтерна, который долгое время был засекречен. Эти документы восполняют некоторые недостающие, но, к сожалению, далеко не все детали официальной версии, связанные с отправкой французских делегатов через Мурманск и с намеренной задержкой их отъезда.

Можно выделить некоторые несоответствия между официальной версией и фактами, обнаруженными в архивных документах. Во-первых, отправкой французов на родину занимались не столько службы Коминтерна, сколько известный чекист, сотрудник Верховного ревтрибунала РСФСР, один из организаторов Коммунистической партии Эсто-

нии Виктор Кингиссеп. Во-вторых, ни в одном официальном документе не упоминается, что были найдены тела и вещи французов, а также лодка, на которой они решили добраться до Норвегии. Между тем письмо уполномоченного Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР Виктора Коппа, направленное в марте 1921 г. секретарю президиума Исполкома Коминтерна Михаилу Кобецкому, свидетельствует об обратном. «На днях меня посетила жена в свое время трагически погибшего французского делегата 2-го Конгресса Лепти, — писал Копп, — и рассказала, что, как она впоследствии узнала, личные документы всех трех погибших товарищей были отправлены в свое время из Москвы сюда в Берлин, для дальнейшей передачи по назначению. Между тем ни мы, ни З.Е.С. этих документов не получили. ...Не заторчали ли они по дороге к нам в Ревеле? Это Вам легче удастся установить из Москвы, чем нам отсюда»³⁵. Расхождения есть и в дате гибели французов. Согласно официальной версии, они погибли 1 октября, тогда как в свидетельстве о смерти Лепти, выданном Народным комиссариатом внутренних дел, указана дата 4 октября³⁶.

Практически сразу после известия о гибели Лефевра, Вержа и Лепти возникла версия сознательного «политического убийства» французов советским руководством. Наиболее последовательно она нашла свое отражение в воспоминаниях члена французской группы коммунистов в Москве Марселя Боди «Пианино из карельской березы. Мое пребывание в России 1917–1927» и книге «Неизвестная революция» российского анархиста Всеволода Волина, которые лично знали французских делегатов.

Боди в своих мемуарах прямо связывает гибель троих с деятельностью советских властей: «Уже в Петрограде шофер-чекист, посланный за нами, вел себя странно, отказываясь везти нас от путиловских заводов в гостиницу „Астория“. Размышляя над этим, я пришел к выводу, что драма началась там. Она закончилась на берегах арктического океана. Как? Я не знаю. Но в чем я уверен, так это в том, что нельзя было допустить, чтобы известные люди, сверх того влиятельные и ставшие по собственному опыту решительными противниками системы и методов, которые они могли разоблачить с такой силой и убеждением, вернулись во Францию»³⁷.

Эта версия коррелируется со вторым письмом Лефевра Маршану: «Нас посылали на о-в Вайда-Губа... и мы остались на всю зиму забытыми (подчеркнуто в оригинале. — Л. С.), если бы двое из нас не решились вернуться в Мурманск и грозить скандалом чиновникам III Интернационала. ...Наконец мы узнали (через какое количество последовательной лжи), что если нас не отправляли в спокойный угол на берегах Норвегии, это вследствие недостатка денег. Делегат III Интернационала, находящийся здесь, Вацен³⁸, клянется, что у него нет ни копейки, и что Петроград ему отказывает в каком-либо кредите.

Нужно будет 3 тысячи крон, чтобы нас выручить. Я предложил заплатить из своего кармана при условии, что мне их вернут. Я признаюсь, что все это мне опротивело.

Возможно, такое опоздание заставит меня пропустить конгресс партии. ...Я надеюсь, что не буду вынужден рассказать открыто все эти грустные вещи товарищам из Комитета III Интернационала во Франции, которыми мне был дан мандат, в том случае, если они спросят причину моего опоздания. Кто является ответственным за эту отвратительную задержку? Зиновьев, Кингиссеп или Вацен? Я не знаю. Я полагаю, что это Кингиссеп... Во всяком случае какая блестящая реклама для Москвы, что этот скандал произошел с тремя первыми французскими революционерами... Какое злорадство у буржуазии! Знайте, что, между прочим, этот скандал касается не только нас одних. Это касается и грузов с литературой, которые в течение трех месяцев направлялись в Мурманск, но остались в Вайда-губе. Их уже 91! Теперь понятно, почему ничего не доходит. Мы обвиняли капиталистическую почту. Следует же обвинять чиновников III-го Интернационала»³⁹. Письма, в которых Лефевр упрекает советские власти в «саботаже» их отъезда, так и не были переданы адресату, о чем свидетельствуют архивные документы: расписка Л. Д. Троцкого в получении «подлинного письма т. Лефевра из Мурманска», сами письма и почтотелефонограмма в Политбюро ЦК с просьбой прочесть копию письма и разобраться в ситуации⁴⁰.

Несмотря на то, что коммунистическая пресса упорно выступала против всех гипотез, согласно которым трое французских делегатов стали жертвами советских репрессий, их бесследное исчезновение вызвало большой общественный резонанс не только во Франции, Европе, но и в самом Коминтерне. Так, французский социалист Анри Гильбо обратился к Кобецкому с жалобами и протестами на работу ЦК Коминтерна, которые ему высказал член Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи Швейцарии Зигфрид Бамматер после исчезновения Лефевра, Лепти и Вержа. «Бумаги совсем ничего не стоят и я настаиваю, чтобы об этом сообщили в Исполнительный комитет Коминтерна... Паспортные службы совершенно не функционируют. Он (Коминтерн. — Л. С.) преступно ведет товарищей к подобным авантюрам и подвергает их подобному риску... Все товарищи жалуются на это»⁴¹, — резюмировал швейцарский коммунист.

В оппозиционной печати регулярно появлялись различные версии гибели французских делегатов. Так, в начале 1921 г. на страницах французских газет «Figaro», «L'Ouest-Eclair», «Gri-tase» развернулась настоящая информационная война, связанная с публикацией очередной версии гибели Лефевра, Вержа и Лепти, предложенной французским агентом Руссиньоном, но не подкрепленная документально. В соответствии с ней, гибель трех французских делегатов была хорошо запланированным актом, подстроенным агентами ЧК, «вероятно на основании приказа, отданного Дзержинским»⁴². «Достаточно хорошо известно, что Лефевр, Вержа и Лепти были брошены за борт в то время, как агент Барышников захватил бумаги, которые находились при них и которые в настоящее время зарегистрированы в Чрезвычайной комиссии в Москве под № 8974. Переданы на хранение 18 декабря 1920 г.»⁴³, — утверждалось в статье. Неизвестно, существовал ли в действи-

тельности агент Барышников, которому были «достаточно хорошо известны» обстоятельства гибели французов.

В свою очередь, «L'Humanité» выступила с опровержениями версии, изложенной в газетах правого толка. Так, в статье «Смерть Лефевра, Лепти и Вержа. Москва воздает должное клеветникам» указывалось, что «агенты Антанты специально перекладывают ответственность на большевиков»⁴⁴. Несмотря на все старания социалистической прессы, версии политического убийства неоднократно появлялись впоследствии⁴⁵.

Здесь было бы уместно согласиться с З. Гиппиус, которая еще в ноябре-декабре 1919 г. писала: «Мне хотелось бы предложить рабочим всех стран следующее. Пусть каждая страна выберет двух уполномоченных, двух лиц, честности которых она бы верила...

И пусть они, вернувшись (если вернуться), скажут „всем, всем, всем“: есть ли в России революция? Есть ли диктатура пролетариата?... Есть ли „рабоче-крестьянское“ правительство? Есть ли хоть что-нибудь похожее на проведение в жизнь принципов „социализма“?...

В громадном НЕТ, которым ответят на все эти вопросы честные люди, честные социалисты, вскрыется и коренной, основной абсурд происходящего»⁴⁶.

Было ли это исчезновение преступлением, намеренным устранением несогласных с политической арены — этот вопрос остается открытым, прямые доказательства убийства Лефевра, Лепти и Вержа отсутствуют. Следствие по этому делу не проводилось. До тех пор, пока не найдено документально оформленное решение, в котором приказано устранить французских делегатов, можно только допустить, что они поплатились жизнью за свое несогласие с политикой, проводимой большевиками. Тем не менее, гибель французских делегатов имела определенные последствия для дальнейшей судьбы французского левого движения. Она во многом предопределила раскол Всеобщей конфедерации труда в начале 1922 г., когда анархисты и анархо-синдикалисты конфедерации выступили против присоединения к III Интернационалу.

¹ *Body M.* Un piano en bouleau de Carélie. Mes années de Russie 1917–1927. Paris, 1981. P. 174.

² *Souvarin B.* Héros et Martyrs du Communisme: Raymond Lefebvre, Lepetit, Vergeat // Bulletin communiste. 1920. № 47/48. P. 1. — Суварин (Лифшиц) Борис (1895–1984) — французский историк, журналист, советолог, политический деятель. С 1919 г. один из секретарей Комитета III Интернационала. Один из основателей Французской коммунистической партии, входил в ее руководство, был членом Президиума Исполкома Коминтерна. В 1924 г. вместе с Пьером Монаттом выступил в поддержку левой оппозиции РКП(б), за что был исключен из партии. В 1930-е гг. разочаровался в большевизме и отошел от активной политической деятельности.

³ Виктор Серж (Кибальчич) (1898–1947) родился в Брюсселе в семье революционных эмигрантов из России. После переезда семьи во Францию Серж примкнул к анархистам, сотрудничал в анархистских газетах

«Le Révolté» и «L'Anarchie». После русской революции 1917 г. — сторонник большевизма, в 1919 г. приехал в Советскую Россию, вступил в коммунистическую партию, был активным деятелем Коминтерна, редактором журнала «Коммунистический Интернационал». Как сторонник антисталинской левой оппозиции, в 1928 г. исключен из партии. В 1933 г. был репрессирован и сослан в Оренбург. Благодаря заступничеству иностранных социалистов, И. В. Сталин в 1936 г. разрешил покинуть ему СССР. Серж провел в России достаточно продолжительный отрезок времени — с 1919 по 1936 гг. — его творчество, посвященное советской России и судьбам русской революции, позволяет проследить путь от принятия большевизма до разочарования в нем.

⁴ *Serge V.* A la mémoire des Quatre // Bulletin communiste. 1922. № 41/52. P. 791.

⁵ *Ланжевен Л.* Французская интеллигенция и Октябрьская революция // Французский ежегодник, 1967: Ст. и мат-лы по истории Франции / А. З. Манфред (гл. ред.) [и др.]. М., 1968. С. 19.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ *Caute D.* Le communisme et les intellectuels français, 1914–1966. Paris, 1967. P. 78.

⁸ *Serge V.* A la mémoire des Quatre. P. 792.

⁹ Ibid.

¹⁰ Leur ignominie // L'Humanité. 03.12.1920. P. 1.

¹¹ *Жид А.* Возвращение из СССР: поправки к моему «Возвращению из СССР» // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 68.

¹² *Béraud M.* La mystérieuse disparition de Raymond Lefebvre pèlerin déçu de son pèlerinage à Moscou // Le Journal. 20.09.1925. P. 1

¹³ Российский государственный архив социально политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 489. 2 конгресс Коминтерна. Оп. 1. 2 конгресс Коминтерна. Д. 16. Резолюция «Условия приема в Коммунистический Интернационал». Л. 5–12.

¹⁴ *Vody M.* Un piano en bouleau de Carélie. P. 135.

¹⁵ *Serge V.* Les anarchistes et l'expérience de la Revolution Russe. Paris, 1920. P. 1.

¹⁶ Ibid. P. 8

¹⁷ *Ленин В. И.* Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. М., 1963. С. 42.

¹⁸ *Vody M.* Un piano en bouleau de Carélie. P. 172.

¹⁹ *Pascal P.* En communisme: mon journal de Russie 1918–1920. Lauzanne, 1977. P. 176.

²⁰ *Волин В. М.* Неизвестная революция. 1917–1921. М., 2005 С. 163.

²¹ *Vody M.* Un piano en bouleau de Carélie. P. 172.

²² Ibid. P. 173.

²³ *Волин В. М.* Неизвестная революция. С. 163.

²⁴ Советская Россия и буржуазное общественное мнение // Известия. 12.09.1920. С. 3.

²⁵ Там же.

²⁶ *Vody M.* Un piano en bouleau de Carélie. P. 174.

²⁷ Ibid. P. 175.

²⁸ *Волин В. М.* Неизвестная революция. С. 163.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Личные дела (Франция). Д. 6269. Личные дела Вержа Марсель. Л. 13–13 об.

³⁰ Маршан Рене (1888–1950) — французский журналист, корреспондент газеты «Figaro» в Петрограде в 1917 г. После революции остался в советской России, вступил во французскую группу коммунистов в Москве.

³¹ Cit.: Raymond Lefebvre, Vergeat et Lepetit sont morts tragiquement au service de la Revolution sociale // L'Humanité. 01.12.1920. P.1.

- ³² Leur ignominie // L'Humanité. 03.12.1920. P. 1.
- ³³ Serge V. A la mémoire des Quatre P. 792.
- ³⁴ Дюкло Ж. Октябрь 1917 и Франция. М., 1967. С. 342.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Личные дела (Франция). Д. 6269. Личное дело Вержа Марсель. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Л. 2.
- ³⁷ Body M. Un piano en bouleau de Carélie. P. 180.
- ³⁸ Судя по всему, речь идет о датском социалисте Ватсоне Эрне.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 324. Зиновьев Григорий Евсеевич (1883–1936). Оп. 2. Зиновьев Г. Е. Д. 10. Л. 77–78; Ф. 495 (Коминтерн). Оп. 270 (Личные дела (Франция)). Д. 6269 (Личные дела). Л. 12.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 495. Коминтерн. Оп. 270. Личные дела (Франция). Д. 6269. Личные дела. Л. 9–10, 12, 13–13 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 8. Guilbeau H. Au camarade Kobetzky. Secrétaire du C.E. de l'I.C.
- ⁴² Les trois pèlerines assassinés. Comment Lefebvre, Lepetit et Vergeat furent noyés // Le Figaro. 21.01.1921. P. 2.
- ⁴³ Les trois pèlerines assassinés... // Le Figaro. 21.01.1921. P. 2; Les Soviets on fait assassiner Lepetit, Lefevre et Vergeat // L'Ouest-Eclair. 21.01.1921. P. 2; Lefebvre, Vergeat et Lepetit furent jetés à l'eau dans la Baltique // La Grima. 01.02.1921. P. 5.
- ⁴⁴ La mort de R. Lefebvre, Lepetit et Vergeat. Moscou fait justice des calomnies // L'Humanité. 24.01. 1921. P. 1.
- ⁴⁵ Béraud M. 1) La mystérieuse disparition de Raymond Lefebvre pèlerin déçu de son pèlerinage à Moscou // Le Journal. 20.09.1925. P. 1; 2) Un voyage au pays des Soviets. L'Homme qui assassina // Le Journal. 21.09.1925. P. 1.
- ⁴⁶ Гуннуис З. И. Петербургские дневники. Нью-Йорк; М., 1990. С. 309–310.

УДК 94(47).084.3 + 94(44)

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.208

Слуцкая Л. В. «Темное пятно» на репутации Коминтерна: дело об исчезнувших французских делегатах // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 124–137.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена загадочному исчезновению трех французских делегатов — социалиста Раймона Лефевра, анархо-синдикалистов Берто Лепети и Марселя Вержа, возвращавшихся после II конгресса Коминтерна из советской России на родину. В соответствии с официальной версией, представленной советскими властями, французские делегаты погибли 1 октября 1920 г. во время бури на Баренцевом море. Их бесследное исчезновение вызвало большой общественный резонанс во Франции и нанесло существенный удар по репутации Коминтерна. В среде французских анархистов, анархо-синдикалистов и социалистов упорно ходили слухи о том, что французы заплатились жизнью за несогласие с политикой большевиков. Эти слухи усиленно «подогревались» различными версиями о политическом убийстве французских делегатов, представленными во французской печати правого толка. Несмотря на все попытки советских и французских коммунистов переложить ответственность за их исчезновение на «злодеев Антанты», официальная версия их гибели неоднократно подвергалась сомнению. В статье на основе анализа архивных документов и свидетельств современников, хорошо знавших французских делегатов, выявлен ряд противоречий в официальной версии. Во-первых, отправкой французов на родину занимались не столько службы Коминтерна, сколько известный чекист, сотрудник Верховного ревтрибунала РСФСР, один из организаторов Коммунистической партии Эстонии Виктор Кингиссеп. Во-вторых, ни в одном официальном документе не упоминается, что были найдены тела и вещи французов. Между тем из переписки сотрудников Коминтерна следует, что вещи французов были отправлены в Берлин. Кроме того, есть расхождения и в дате гибели французов. Было ли это исчезновение преступлением,

намеренным устранением несогласных с политической арены — этот вопрос остается открытым, прямые доказательства убийства Лефевра, Лепти и Вержа отсутствуют. Следствие по этому делу не проводилось. До тех пор, пока не найдено документально оформленное решение по устранению французских делегатов, можно только допустить, что они заплатились жизнью за свое несогласие с политикой, проводимой большевиками. Гибель Лефевра, Лепти и Вержа имела определенные последствия для дальнейшей судьбы французского левого движения. Она во многом предопределила раскол Всеобщей конфедерации труда в 1922 г., когда анархисты и анархо-синдикалисты конфедерации выступили против присоединения к III Интернационалу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Коминтерн, II конгресс Коминтерна, анархо-синдикалисты, коммунистическое движение, советская Россия, Чрезвычайная комиссия, социализм

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь); L_slutskaya@mail.ru

---

FOR CITATION:

Slutskaya L. V. **A “Dark Stain” on the Reputation of the Comintern: the Case of the Missing French Delegates**, *Modern History of Russia*, no. 2, 2016. P. 124–137.

ABSTRACT: This article is devoted to the mysterious disappearance of three French Comintern delegates: the socialist Raymond Lefebvre, and the anarcho-syndicalists Bertho Lepetit and Marcel Vergeat as they returned from Soviet Russia to their homeland after the Second Congress in 1920. According to the official version presented by the Soviet authorities, the French delegates died on October 1 of that year during a storm on the Barents Sea. Their disappearance caused a great public resonance in France and dealt a significant blow to the reputation of the Comintern. Among the circles of French anarchists, anarcho-syndicalists and socialists there ensued persistent rumors about the fact that the French delegates had actually lost their lives because of their opposition to Bolshevik policies. Furthermore, other accounts in the country's right-wing press about a politicized murder of these French delegates only fanned the flames of such rumors. Despite attempts by Soviet and French Communists to shift responsibility for their disappearance onto the "villains of the Entente", the official version of their death has been questioned repeatedly. Based off analysis of archival documents and the testimony of contemporaries well-acquainted with the French delegates, this article also reveals a number of contradictions in the official version of events. First, the man in charge of seeing the French off home was not actually in the Comintern, but instead one Viktor Kingisepp—a known Cheka officer, as well as a member of the Supreme Revolutionary Tribunal of the RSFSR, and one of the organizers of the Estonian Communist Party. Second, there is no mention in any of the official documents uncovered here that the bodies of the French and their belongings were ever found. But in the correspondence of the Comintern staff it follows that the French belongings were said to be sent to Berlin. There are also uncovered here differences in the actual date of the French delegates' death. Whether this disappearance was a crime designed as an intentional elimination of the dissent from the political arena is still an open questions. There is still no direct evidence of Lefebvre, Lepetit and Vergeat's murder. And no investigation has ever been carried out. Until that is done, and without any evidence documenting what really happened to them, it can be only assumed that the French delegates paid with their lives for their opposition to the Bolshevik policies. The death of Lefebvre, Lepetit and Vergeat had certain implications for the future fate of the French left-wing movement. It largely predetermined the split of the General Confederation of Labor in 1922 where the Confederation's anarchists and anarcho-syndicalists moved to oppose joining the Comintern's Third International.

KEYWORDS: Comintern, II Congress of the Comintern, the anarcho-syndicalists, the communist movement, Soviet Russia, the Emergency Commission, socialism

---

AUTHOR: Candidate of History, Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Belarus); L_slutskaya@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Body M. *Un piano en bouleau de Carélie. Mes années de Russie 1917–1927* (Paris, 1981).
- ² Cauté D. *Le communisme et les intellectuels français, 1914–1966* (Paris, 1967).
- ³ Pascal P. *En communisme: mon journal de Russie 1918–1920* (Lauzanne, 1977).
- ⁴ Serge V. *Les anarchistes et l'expérience de la Révolution Russe* (Paris, 1920).
- ⁵ Serge V. 'A la mémoire des Quatre', *Bulletin communiste*, 1922, no. 41/52.
- ⁶ Souvarin B. 'Héros et Martyrs du Communisme: Raymond Lefebvre, Lepetit, Vergeat', *Bulletin communiste*, 1920, no. 47/48.
- ⁷ Béraud M. 'La mystérieuse disparition de Raymond Lefebvre pèlerin déçu de son pèlerinage à Moscou', *Le Jormal*, 1925, 20 September.
- ⁸ Lenin V. I. 'Zakluchitelnoye slovo po otchetu CK RKP(b) 9 marta', *Polnoye sobraniye sochineniy*, 5th ed. (Moscow, 1963).
- ⁹ Volin V. *Neizvestnaya revolutciya. 1917–1921* (Moscow, 2005).
- ¹⁰ Gide A. 'Vozvrasheniye iz SSSR: popravki k moyemu «Vozvrasheniyu iz SSSR»' in *Dva vzglyada iz-za rubeja* (Moscow, 1990).
- ¹¹ Gippius Z. I. *Peterburgskiy dnevnik* (New York – Moscow, 1990).